

Санаторий оказался огромным — Цзянь Хуай впервые вышел за пределы своей палаты.

На нем была свободная пижама в сине-белую полоску. Ткань висела на его худощавой фигуре почти мешковато, и лишь высокий рост да прямая осанка спасали образ от болезненной дряхлости. Обутый в мягкие суконные тапочки, он шел, неторопливо меряя шагами дорожку.

Весенний ветер, пропитанный едва уловимой влагой, ласкал щеки. Это прикосновение было приятным. Отросшие пряди волос мягко колыхались, открывая чистый лоб и бледное лицо, на котором застыло выражение глубокого безразличия.

Шэн Вэньяо шел рядом, неся в руках кашемировое пальто. Он осторожно набросил его на плечи спутника.

— Еще только начало весны, а у тебя слабое здоровье. Нельзя простужаться, — Шэн Вэньяо слегка наклонился, заглядывая Цзянь Хуаю в глаза. — Подними руки.

Цзянь Хуай послушно приподнял их. Из широких рукавов пижамы показались тонкие, бледные кисти; кончики пальцев, белые, словно ростки сирени, медленно проскользнули в рукава пальто верблюжьего цвета. Вэньяо обнял его за талию, перехватил пояс и аккуратно завязал узлом.

Склонившись еще ниже, он расправил воротник, а затем взял Цзянь Хуая за ладонь.

— Все равно ледяные.

Он запустил пальцы под манжеты, поправляя рукава пижамы, чтобы те лежали ровно.

— Вот так, — тихо произнес Шэн Вэньяо.

Он не выпустил руку Цзянь Хуая, напротив — сплел их пальцы, согревая холодную кожу своей жаркой ладонью. Цзянь Хуай скользнул взглядом по лицу мужчины, но тот смотрел вперед с самым невозмутимым видом. Юноша ничего не сказал.

Так они и шли — рука об руку. Шэн Вэньяо украдкой любовался изящным профилем спутника, невольно сжимая его ладонь крепче, словно стараясь полностью укрыть ее в своей.

Рядом с Цзянь Хуаем Вэньяо всегда становился косноязычным. Он лихорадочно соображал, что бы такое сказать, чтобы порадовать юношу, но тут же одергивал себя, боясь нарушить его покой пустой болтовней. Слова замирали на губах, так и не сорвавшись вслух.

Он видел Цзянь Хуая разным: холодным, отрешенным, безумным. Он хотел защитить его, но им редко выпадала возможность вот так просто, в тишине, пройтись по саду. Слишком давно

израненный Цзянь Хуай воздвиг вокруг своего сердца стену, не подпуская к себе никого.

Впервые Шэн Вэньяо чувствовал, что они по-настоящему близки. Он не сводил с него глаз, думая о том, что доктор Мэнь был прав: Цзянь Хуаю действительно становится лучше.

Цзянь Хуай чувствовал этот взгляд. Мягкие волосы на его лбу, подсвеченные нежным весенним солнцем, отливали каштаном; в этом сиянии было нечто хрупкое, лишенное привычной ледяной отчужденности. Ветер снова растрепал пряди, обнажая бледную кожу. Юноша смотрел в небо, на белые клочья облаков, похожие на клочки ваты.

— У меня нет воспоминаний о Хайчэне, — внезапно произнес он.

Лепестки цветов, подхваченные порывом ветра, закружились в воздухе. Цзянь Хуай поднял свободную руку, ловя одну из розово-белых чашечек.

— Говорят, в Хайчэне весной всегда идут дожди...

Он говорил тихо, не глядя на Вэньяо, приковав внимание к цветку на ладони.

— В моих снах часто мелькает одно место. Там дождь монотонно стучит по крыше, а капли срываются вниз, в сад. Тот дворик очень красивый: тропинка, выложенная галькой, и три или четыре больших дерева по краям. Иногда, пока я сплю, они зацветают, и лепестки падают мне на лицо — мокрые, в каплях воды.

Они остановились.

— Но стоит мне забыться в этом прекрасном сне, как меня пробуждает пытка.

Цзянь Хуай вскинул голову. В его глазах, темных, как бездонные омуты, застыло пугающее спокойствие.

— Я не боюсь быть безумцем, — вкрадчиво сказал он Шэн Вэньяо. — Я гораздо больше боюсь прийти в себя.

— Ты не безумец, — Шэн Вэньяо нежно коснулся подушечкой пальца кожи под его глазом. — И это не сон. Это твой дом.

Он скользил пальцами по неестественно гладкой, фарфоровой коже.

— Хочешь, я отвезу тебя туда? — вполголоса спросил он. — Там все осталось таким же, как в твоём детстве.

Лицо под его рукой было прекрасным, но безжизненно холодным. Сухим, без единой слезинки. И все же Шэн Вэньяо казалось, что в глубине этих черных глаз, в самой их непроглядной тени, таятся слезы, которым не суждено пролиться.

— Но я ничего не помню.

Цзянь Хуай опустил голову. Пряди волос закрыли лицо, открыв лишь край белого уха — тонкого, почти прозрачного, с едва заметной сеткой синеватых сосудов. В этот миг он казался изысканной нефритовой статуэткой: одно неосторожное движение — и он разлетится на осколки, умерев окончательно.

Шэн Вэньяо положил ладонь на его мягкие волосы. словно утешая напуганного ребенка, он ласково погладил его по голове, а затем коснулся его замерзшего уха.

— Позволь мне помочь тебе все вспомнить.

Вэньяо притянул его к себе, позволяя юноше спрятать лицо у него на плече. Цзянь Хуай моргнул и медленно закрыл глаза. Ресницы дрогнули, скрыв взгляд.

Уткнувшись в плечо Вэньяо, он украдкой приоткрыл глаза. Там, далеко за облаками, брезжил свет. Холодное тело согревалось в широких объятиях, тепло жизни передавалось ему через прикосновение. Он чувствовал, как на шее Шэн Вэньяо мерно бьется сонная артерия. Этот пульс, полный жара и силы, шел от мощного сердца — в нем кипела сама жизнь.

Дыхание Цзянь Хуая стало поверхностным и редким.

В обрывках памяти, что остались при нем, не было ничего, кроме боли заграничной жизни. Дни, когда его держали на правах домашнего питомца.

«Мама» запирала его в темной комнате. Иногда ему позволяли выходить, но лишь для того, чтобы осыпать ударами и бранью. Он сидел под дверью, слушая, как пьяная женщина за стеной крушит скудную мебель, и гадал, не разбила ли она пианино. Игра на нем была одним из немногих моментов, когда он обретал подобие покоя. А за стеной в тишине раздавался неистовый стук в дверь и истошные крики этой женщины.

Иногда он слышал, как по полу волочат топор — этот скрежет пробирал до костей. Сквозь щели в разошедшейся дверной панели на него глядел безумный глаз — глаз демона, выслеживающего добычу.

Днем «мама» была элегантной и красивой, но глубокой ночью превращалась в кошмарного зверя. Она смотрела на него с нескрываемой ненавистью, а он даже не знал, как сопротивляться. Он верил, что эта боль — его заслуженное наказание.

Он не умер, он просто день за днем прорастал в этом страхе.

«Ты сам во всем виноват», — говорила она.

Иногда ее голос звучал мягко и почти ласково. Затягиваясь сигаретой, она смотрела в никуда:

«Твой отец... он погиб от твоих рук. Неужели забыл? Твои крошечные ручки сжимали острый нож и раз за разом вонзались в его грудь. Кровь хлестала, заливая тебе ладони...»

Маленький ребенок дрожал от рыданий, сворачиваясь в комок на полу.

«Если бы не ты, он был бы жив. Он так чудесно играл на пианино...»

Когда-то Цзянь Хуай без конца твердил себе, что все это ложь.

Но кошмары не отступали. Алая кровь текла по комнатам, заливала тот прекрасный дворик из снов, пропитывала гальку и корни деревьев, на которых распускались черные цветы. Опадая, лепестки превращались в лезвия и полосовали ему лицо.

Долгими ночами голос женщины твердил ему одно и то же: он — монстр. Он не достоин любви.

«Мама» говорила: ты убил отца. Мать ненавидит тебя, потому и пытается.

В бреду он видел, как сжимает холодную рукоять ножа, вонзая сталь в чужую плоть. Лица мужчины он не помнил. Но в памяти навечно отпечатались хрипы агонии, густая, липкая кровь на ладонях и сад, ставший багровым от этой крови.

Из соседней комнаты доносились стоны женщины — то ли от наслаждения, то ли от боли. Он зажимал уши ладонями, но эти звуки, словно юркие черви, все равно проникали в сознание. Он рос в этом душном тупике, стиснув зубы и глотая собственную кровь.

В этой тьме он менялся. Ребенком он хотел быть слабым, но сострадания не было. Тогда он стал холодным. Временами жажда крови и неистовая ярость прорывались сквозь его кости наружу.

В конце концов он научился не замечать того, что происходит перед глазами. Привык к кошмарам. Перестал бояться боли наяву и кровавых видений во сне.

Мальчик вытянулся, стал стройным и красивым. Его лицо с каждым годом становилось все благороднее.

Женщина с распущенными волосами и затуманенным взглядом, одетая в тонкий шелковый пеньюар, грациозно, по-кошачьи, опиралась на косяк его двери. Она смотрела на Цзянь Хуая, забившегося в угол, и в ней невозможно было узнать ту безумную фурию — она казалась нежной и хрупкой, как роза.

Когда она со спокойным лицом учила его читать и писать, она не была сумасшедшей. «Мама» была ослепительно красива, образованна. Она знала множество языков и обучала им юного Цзянь Хуая.

Когда у нее было хорошее настроение, она читала ему стихи. Но иногда посреди чтения на ее глаза наворачивались слезы. С улыбкой на губах она впивалась пальцами в его шею.

Она наваливалась на него всем своим гибким телом, кусала его за уши до крови, наблюдая, как он задыхается. Ее длинные волосы рассыпались по белой спине. Она была прекрасна, когда, рыдая, шептала ему в самое ухо: «Почему ты еще не сдох? Те, кто меня не любит, должны сдохнуть!»

Цзянь Хуай привык к боли, привык к крови, привык к темноте. Он привык к ее нежности и к ее злобе.

Его «мама» жила за счет мужчин, которые ее содержали, а сама «содержала» его — как запертого зверя.

А потом она внезапно умерла. Ей отрезали ухо ножом. Она просто лежала на холодном полу, и кровь медленно вытекала из ее неподвижной груди. Весь пол стал ярко-красным. Это было жутко.

Цзянь Хуая наконец вырвали из того мира, полного ненависти. Оказалось, он не был ее сыном. Он был человеком без имени, забытым и брошенным всеми. В итоге он стал таким же безумцем, как и она.

Шэн Вэньяо сказал ему, что его зовут Цзянь Хуай, и он — единственный сын семьи Цзянь, пропавший много лет назад. Его мать — хрупкая женщина, лишившаяся рассудка от горя, но недавно пришедшая в себя. Его отец — влиятельный человек, который теперь, будучи прикованным к больничной койке, не перестает думать о потерянном сыне.

А Шэн Вэньяо — его названный брат, бывший воспитанник его родителей. Он долгие годы жил в семье Цзянь вместо него и столько же лет искал его.

— Почему ты не нашел меня раньше? — спросил Цзянь Хуай, уткнувшись в шею Вэньяо. — Почему?..

Цзянь Хуай думал, что он абсолютно спокоен. Но объятия Вэньяо словно вскрыли старую рану.

Ему было больно и горько, но именно сейчас он учился — учился упрекать, учился доверять.

Шэн Вэньяо слушал его шепот. Он крепко прижал юношу к себе, без конца повторяя слова извинения.

— Прости меня... Это только моя вина. Прости, малыш...

Когда-то Цзянь Хуай верил, что его мир застыл навсегда в тот день, когда умерла «мама». Но сейчас все казалось лишь затянувшимся кошмаром. Внезапно он почувствовал, что пробуждается. Его прошлое было вязким болотом, в котором он перестал бороться, но кто-то все это время был рядом, не сдавался и тянул его в чистый, светлый мир.

Он мерно поглаживал его напряженную спину теплыми ладонями, заставляя его расслабиться.

Солнечный свет вдруг пробился сквозь облака. Цзянь Хуай поднял лицо. Вэньяо стоял против солнца, и свет смягчал его черты. Цзянь Хуай не видел их четко, но чувствовал исходящее от него тепло. Его мерзнувшее тело было окутано горячими объятиями. Сердце в груди Шэн Вэньяо билось совсем рядом. А его поцелуй, коснувшийся лба, был бесконечно нежным.

— Братик, а что случилось?

Звонкий, наивный детский голос заставил их вздрогнуть.

Перед Шэн Вэньяо стояла очаровательная малышка в платье в красно-белую клетку с кружевной отделкой. Она склонила голову набок, разглядывая их блестящими, любопытными глазами. В руках она бережно сжимала охапку полевых цветов. Заметив их печаль, она протянула букет своими пухлыми ручками:

— Нате цветочки, братики, не грустите больше.

Цзянь Хуай осторожно отстранился от Шэн Вэньяо. Он поправил волосы, мгновенно вернув себе маску спокойствия. Юноша обернулся к девочке, встретившись взглядом с ее карими глазами под длинными ресницами. Малышка застенчиво улыбнулась:

— Братик, это тебе.

Ветер колыхнул ее хвостики. Запахло весной. Пестрая, пахучая охапка цветов, собранная детскими руками, ярко сияла в руках Цзянь Хуая.

— Спасибо, — он наклонился и погладил ее по голове, принимая букет. — Спасибо вам.

<http://bllate.org/book/17462/1697153>